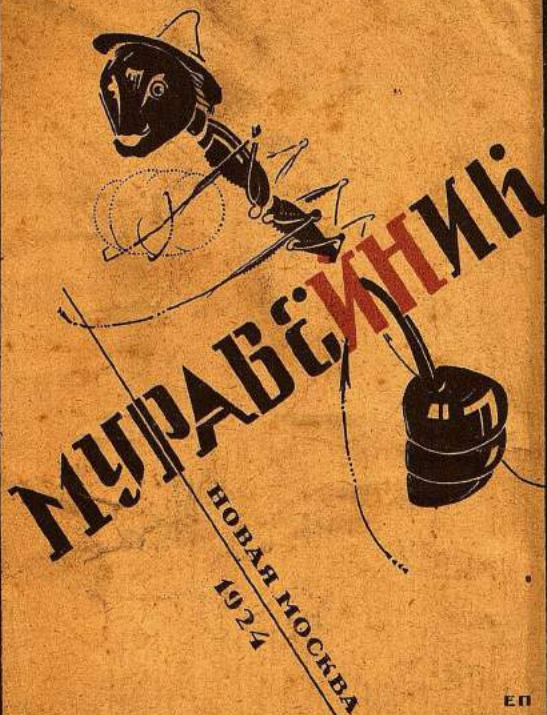

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

М. ГЕРШЕНЗОН

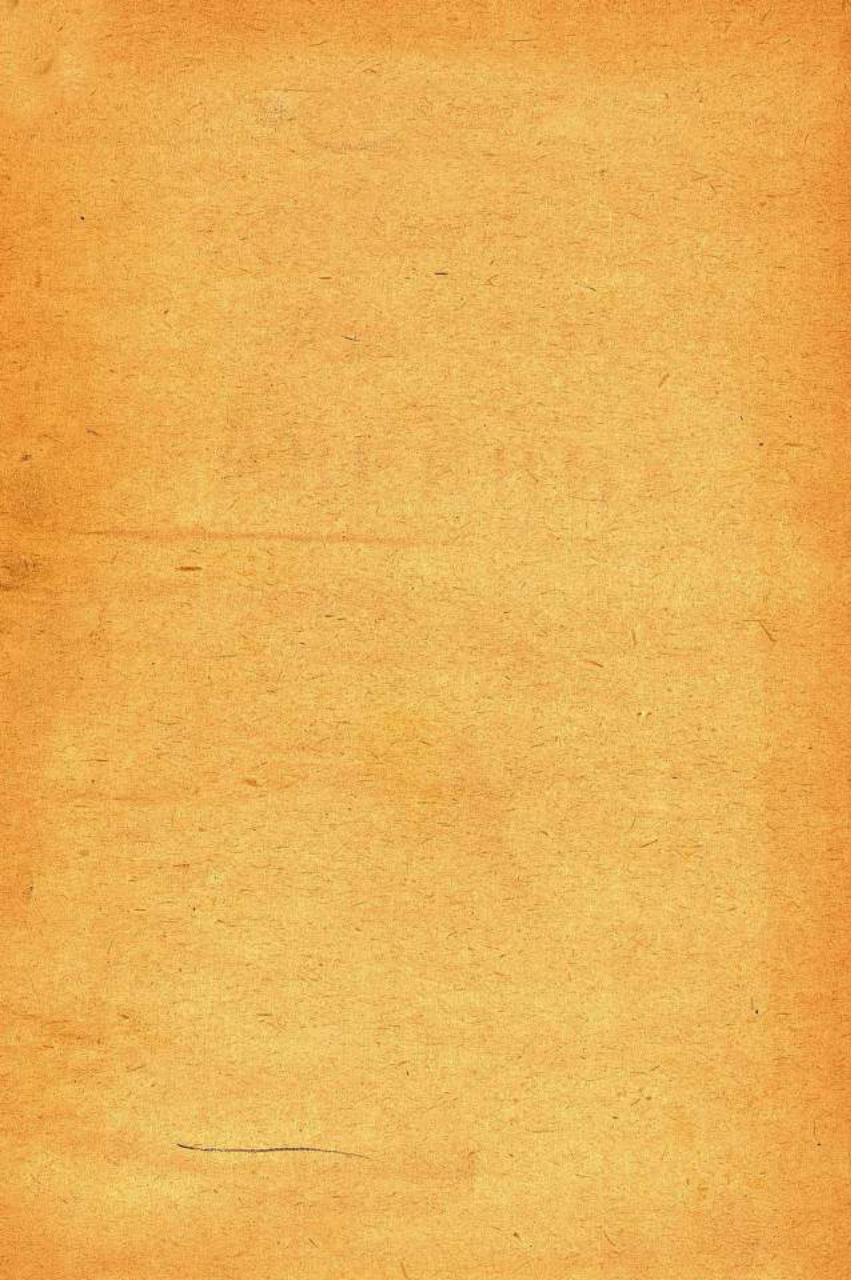
Муравейник

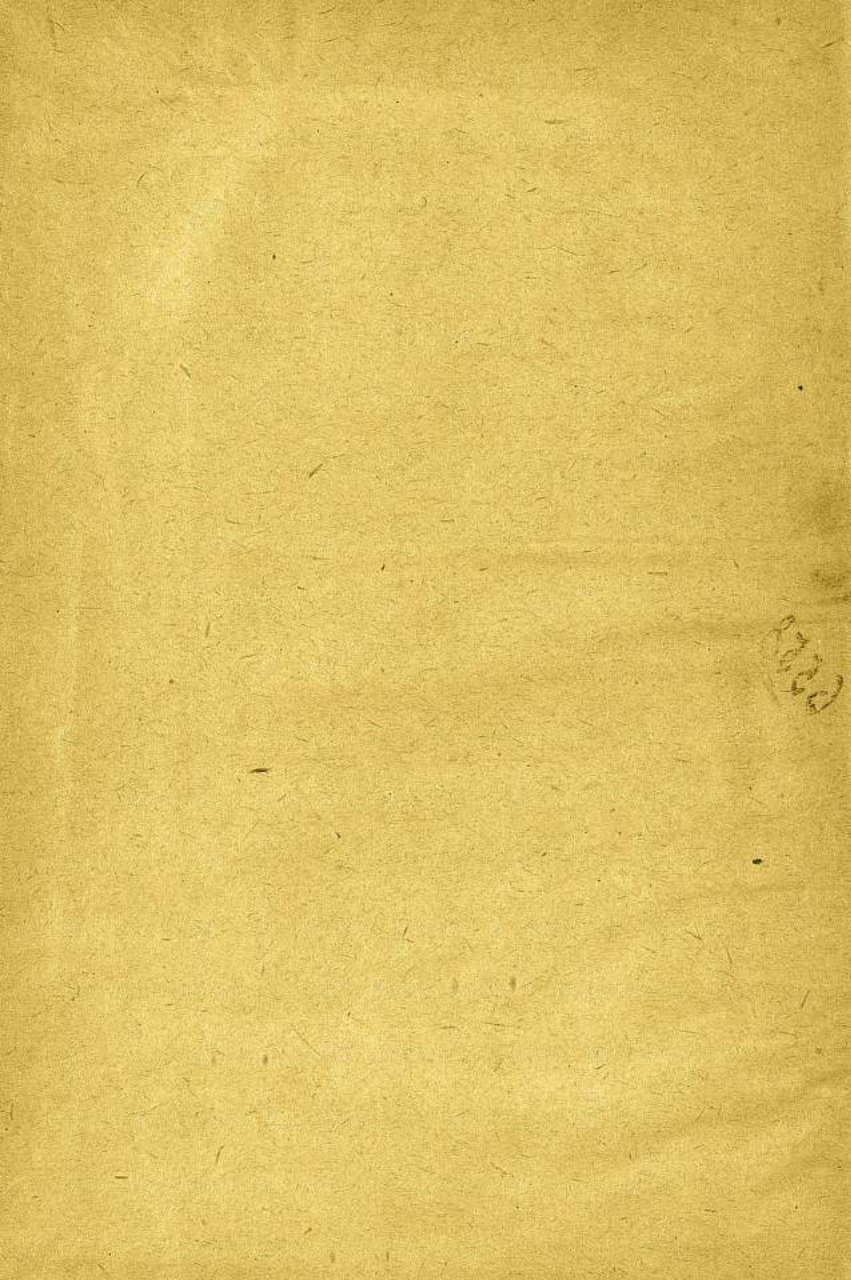
НОВАЯ МОСКВА
1924

ЕП

542

куп 17/11/25
2✓
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

М. А. ГЕРШЕНЗОН

Г 421

НА ДОМЪ НЕ ВЫДАЕТСЯ

МУРАВЕЙНИК

СКАЗКА

СРЕДНИЙ

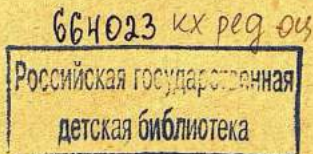

„НОВАЯ МОСКВА“

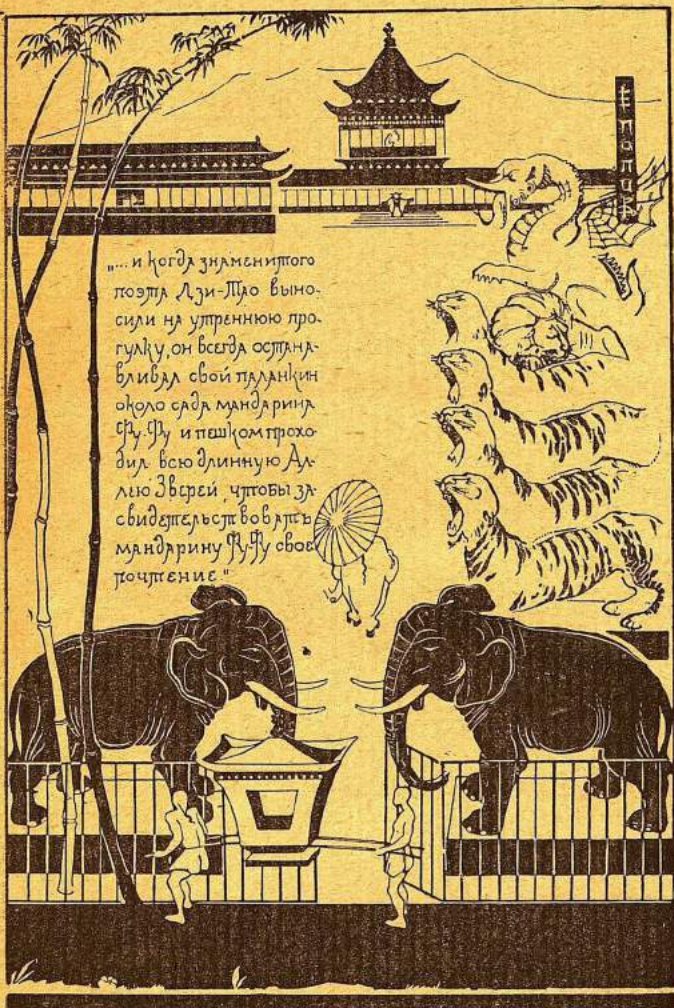
1925

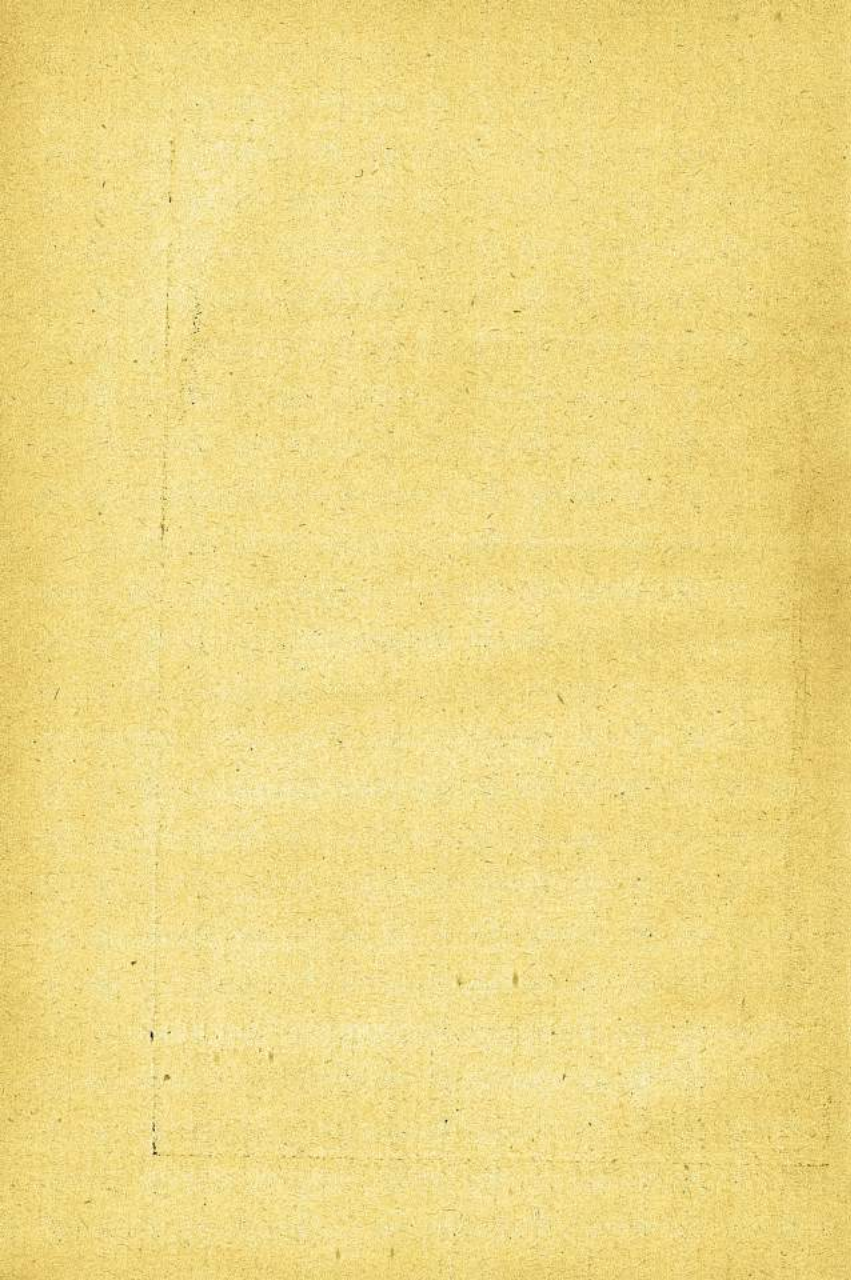
Отпечатано в типографии
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“

Мосполиграф,
Москва, Филипповский, 11,
в количестве 3000 экз.
Мосгублит № 1382.

«...и когда знаменитого
поэта Ли-Шю выно-
сили на утреннюю про-
гулку, он всегда остано-
вливал свой паланкин
около сада мандарина
Фу-Фу и пешком прохо-
дил всю длинную Ал-
лею Зверей, чтобы за-
свидетельствовать
мандарину Фу-Фу свое
почтение»

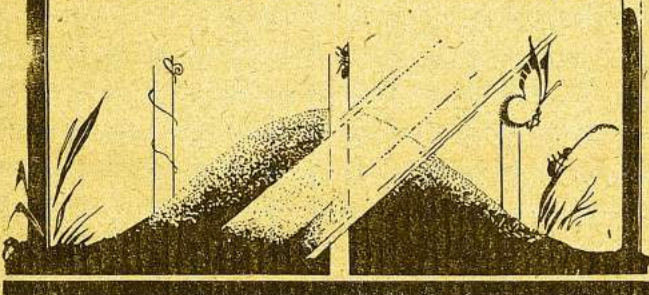

МУ РЫБЫ ИЛИ К

с к а з к а

В Китае, в ста верстах от Пекина, жил мандарин Фу-Фу. Фу-Фу был очень богат, и когда знаменитого поэта Дзи-Тао выносили на утреннюю прогулку, он всегда останавливал свой паланкин около сада мандарина Фу-Фу, и пешком проходил всю длинную

Аллею Зверей, чтобы засвидетельствовать мандарину Фу-Фу свое почтение. Аллея эта очень длинна, и по правую и по левую сторону ее стоят громадные каменные фигуры зверей. У входа стоит большой каменный слон с настоящими слоновыми бивнями, а напротив него, по другую сторону дороги, стоит другой слон, похожий на него, как если бы это было его отражение в прозрачной воде озера Сао. Потом стоят тигры — по четыре с каждой стороны. Они имеют очень страшный вид, потому что, когда на них смотришь, кажется, что они готовы прыгнуть, а величиной они в два раза больше самого большого живого тигра. Дальше лежат львы; львы совсем не страшные, потому что свернулись клубком, как собаки, и спят; только если подойти ближе, видно что глаза у них открыты и блестят злым зеленым огнем. А за львами стоят громадные мохнатые драконы, страшные-престрашные. Говорят, что один разбойник умер со страху в этой аллее: он шел, чтобы убить мандарина Фу-Фу и ему почудилось, будто каменный дракон поднял лапу и щелкнул пастью, увидав его.

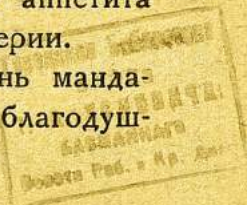
Но мандарин Фу-Фу не боялся разбойников: у него была надежная стража, и его

сад был обнесен высокой стеной. Мандарин Фу-Фу был очень богат и жил очень спокойной жизнью. Все знатные люди особенно уважали мандарина Фу-Фу за его ногти: это была главная гордость мандарина Фу-Фу. Они были длинные-длинные, и бедный Фу-Фу должен был надевать на них особенные колпачки, чтобы они не ломались. Это было, конечно, очень неудобно, и Фу-Фу не мог даже кушать без помощи слуг, но зато все видели, что он никогда в жизни не унизил своего достоинства даже самой маленькой работой!

Мандарину Фу-Фу жилось очень спокойно: у него были прекрасные повара и они умели готовить самые тонкие кушанья.

Однажды, после обеда, мандарин Фу-Фу, по обыкновению, вышел в сад, чтобы погулять, — известно, что пообедать и не погулять после еды вредно, особенно для таких полных людей, каким был мандарин Фу-Фу. Это был очень приятный день для Фу-Фу: ровно тридцать лет назад в этот день он удостоился чести лично пожелать приятного аппетита самому императору небесной империи.

Неудивительно, что в этот день мандарин Фу-Фу был весьма хорошо и благополу-

но настроен. Неудивительно, что, увидав в дальнем уголке своего сада маленький муравейник, он простил эту вину садовнику и не приказал слугам наказывать его за невнимание ударами бамбука по пяткам. Нет, мандарин Фу-Фу, увидав свежее насыпанный холмик песчинок и копошащихся муравьев, изволил широко улыбнуться. Сперва он только улыбнулся, а потом начал даже смеяться, и смеялся так весело и сильно, что кончики его длинных тонких усов запрыгали, как черные змейки.

„Поистине,—подумал Фу-Фу,—это счастливый день. Теперь мне не будет скучно гулять после обеда! Я буду приходить сюда смотреть, как живут эти смешные малыши. Мне надоели мои золотые рыбки“.

Фу-Фу приказал обнести муравейник перильцами из слоновой кости и строго-настрого наказал садовнику следить, чтобы никто не смел пальцем дотронуться до муравьев. Перильца вышли очень красивыми: на пяти тонких высоких ножках лежал витой ободок; резчик вырезал на нем ползущих муравьев и вычернил их,—на нежной белой кости они выглядели, точно живые.

С тех пор каждый день после обеда мандарин Фу-Фу, обмахиваясь веером, шел в

дальний уголок сада, к муравейнику, обнесенному перильцами из слоновой кости. Глядя на копошащихся муравьев, он размышлял о многих глубоких вещах: о том, для чего живут на свете такие маленькие существа, о том, едят ли они, как люди, ласточкины гнезда, и о том, есть ли среди них знатные и богатые муравьи. Долго простаивал над муравейником Фу-Фу, и возвращался домой всегда в благодушном настроении. Мандарин Фу-Фу очень удивлялся трудолюбию муравьев. „Кажется, — думал он, — среди них нет ни одного знатного лица, — они все работают, как самые последние из моих слуг. И, кажется, что у них нет ничего своего, — у них все общее. У них общий дом и общая еда. Если один из них найдет мертвую гусеницу, он тащит ее к другим муравьям, и они вместе втаскивают ее в свое подземное жилище. И они всегда вместе вытаскивают свое будущее потомство на солнце и вместе убирают своих куколок под землю перед наступлением вечера“.

Муравьям в муравейнике, обнесенном резными перильцами, жилось очень хорошо; их становилось все больше, холмик рос в

ширину и в вышину; вместо прежних двух входов в муравейник, их стало уже семь. Кладовые их были полны запасов, и маленькие подземные жители могли не бояться холодных дней. А как прочно были укреплены стенки их коридоров и шахт! Как просторно было в детских комнатах, и как свободно лежали маленькие белые коконы — будущие работники!

Иногда Фу-Фу выбирал какого-нибудь отдельного муравья и смотрел, куда он бежит и что делает. Случалось ему следить за маленьким созданием долго-долго, — это занятие не надоедало мандарину Фу-Фу. Порой он шел за муравьем через весь сад, то подвигаясь вперед, то сворачивая в сторону, чтобы увидеть, как хлопотун откусит своими крохотными челюстями сочный кусочек молодого побега и, падая на каждом шагу под непосильной ношей, потащит его к муравейнику; порой маленький проводник проводил Фу-Фу к садовой стене и исчезал в узкой щелке между камнями.

Но однажды случилось необычайное происшествие. Фу-Фу увидел, как шустрый, бойкий муравей далеко от своего родного холмика стал рыть землю. Работа у него

подвигалась медленно, но он трудился изо всех сил, не отдыхая ни минуты, и скоро вокруг маленькой дырочки, в которой он ежеминутно исчезал, появилось такое же маленькое колечко земли, Фу-Фу на этот раз вернулся домой поздно, — солнце уже садилось и воздух был полон стрекотаньем сверчков. Фу-Фу хорошо заметил место, где крошечное создание начало свою одинокую работу, и на следующий день легко нашел его. Черненький землекоп попрежнему исчезал под землей, появлялся с большой, тяжелой песчинкой, снова исчезал и снова появлялся. Фу-Фу ахнул от изумления, и с той поры почти совсем забыл о муравейнике в дальнем уголке его сада: каждый день он приходил и смотрел, как работает муравей-одиночка. Муравья этого звали Чхи-Чхи. Он родился крепким и здоровым. Сперва он жил и работал точно так же, как и все его братья. Но однажды вечером, когда он лежал в постельке и не мог заснуть от усталости, ему пришла в голову такая мысль: „Для чего это я так устал? Для чего я так много работаю? У меня нет ничего своего, всякий может спать в моей постельке; если настанет голод, другие будут есть те запасы, что

я приготовил. Я подвернул себе ножку, когда тащил сюда тяжелую серую бабочку, а я даже не знаю теперь, где она. Я сильный, очень сильный муравей, гораздо сильнее, чем многие другие; Цинь-Цинь болен уже целый месяц и не работает, а кормят его еще лучше, чем всех нас; я больше не буду работать на всяких больных и калек. Мне это надоело, я буду жить один и заботиться только о самом себе“.

Так Чхи-Чхи решил и крепко-крепко заснул. И спал он долго, до самого обеда, и дежурный муравей Дзинь-Дзинь никак не мог разбудить его. „Наверно, он болен, — подумал Дзинь-Дзинь, он всегда выбегает на работу раньше всех других; не буду я его тревожить сегодня, — пусть проспится“.

А после обеда Чхи-Чхи протер лапками глаза, потянулся изо всех сил, — размял одну лапку, и другую, и третью, и четвертую, и пятую, и шестую и вылез из муравейника.

Тогда-то и увидал его мандарин Фу-Фу, который тольк-что отобедал и вышел погулять на солнышке.

Чх-иЧхи работал очень усердно. Через двенадцать дней у него было готово славное

жилье,— глубокое, сухое с большой кладовой, с гладким, чистым коридором, по которому так удобно было бегать,— не то что в муравейнике: шум, гам, толкотня!

В первый раз за все дни работы он спокойно, сытно поел,— с чувством, с толком, с расстановкой,— и лег отдыхать:— он решил в этот день устроить праздник и не работать. Он растянулся на спине на своей мягкой постельке и замурлыкал песенку:

Я — Чхи · Чхи,
Мандарин,
В этом доме
Один,
Сам себе
Господин.

Если бы Фу-Фу, который стоял над маленьким входом в маленький муравейник, услышал эту песню! Как обрадовалось бы его старое сердце, как счастлив был бы он, если бы узнал, наконец, что и среди муравьев есть знатные и богатые лица!

Но покамест Чхи-Чхи не был богат. Ему нужно было приниматься за работу, наполнять свою просторную кладовую и готовиться к долгим холодным дням, когда нельзя

выползать из дому, когда даже под землей приходится зарыться глубоко - глубоко, чтобы не мерзли бедные лапки.

Чхи-Чхи хорошо отдохнул (ведь это был первый праздник за всю его жизнь) и выполз из своего домика. Солнце еще не встало, но небо уже горело розовым огнем, и роса сверкала бесчисленными алмазами на тонких сетках пауков. Чхи-Чхи очень скоро нашел под западней большего паука, только что выбросившего синюю муху. Паук высосал из нее все, что мог, но для Чхи-Чхи это был еще лакомый кусочек. Он ухватился половчей за паутинку, которою была обмотана муха, и потащил добычу домой.

Когда после обеда мандарин Фу-Фу подошел к жилищу своего знакомого, Чхи-Чхи работал без устали. Он притащил домой уже трех мух и большой кусок бабочки. Взад вперед, взад вперед бегал Чхи-Чхи, пока не пришел вечер. А вечером он улегся в постель и заснул; но он каждый раз просыпался и улыбался, вспоминая, что лежит в своей постельке, в своем доме, около своей кладовой, что у него есть свои мухи и свой кусок бабочки.

Так шел день за днем; Чхи-Чхи все время работам, и его кладовая становилась все полней и полней. Одна мысль не давала покою Чхи-Чхи: как-то он нашел большого, большого червяка: нужно было, по крайней мере, восемь, девять сильных муравьев, чтобы сдвинуть его с места. А один он ничего не мог с ним сделать. Какой это был чудесный червяк! Его бы хватило ему надолго, надолго. Но Чхи-Чхи был один, и червяк лежал на месте, покамест его ни увидел дрозд и не унес в своем гадком клюве. Мандарин Фу-Фу смотрел, как работает его знакомец и все больше проникался уважением к маленькому существу. „Достойный, очень достойный муравей,—говорил сам себе Фу-Фу, поглаживая свою длинную, тонкую бороду—удивительно достойный муравей. Непременно нужно будет поставить перильца вокруг его маленького жилища“.

Лето подходило к концу и начались дожди. Работать стало труднее и вдобавок бедному Чхи-Чхи пришлось перенести большое горе. Однажды, вернувшись с добычей, он увидал, что в его жилище забралась ухвертка,—противная, отвратительная ухвертка. Чхи-Чхи не мог выгнать ее:—она была

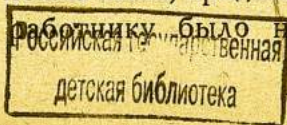

большая и толстая; Чхи-Чхи не мог загрызть ее и ему пришлось начинать работу сначала. Хорошо, что у него было много сил, — немногие муравьи справились бы с такой трудной задачей. Бедный Чхи-Чхи жестоко натрудил свою левую заднюю ножку, — даже мандарин Фу-Фу заметил это. Но он приготовил себе на зиму новое жилище и снова наполнил припасами свою кладовую. Правда, это жилище было недостаточно глубоким и кладовая была плохо защищена от сырости; в одиночку Чхи-Чхи не мог прокопать такой глубокой шахты, как нужно, и не мог как следует укрепить стен коридоров.

Добрый Фу-Фу не знал ничего об ухорвертке, но он понял, что что-то случилось в старом жилище его знакомого. „Поистине, достойный муравей, — думал он, глядя, как растет колечко земли над новым домиком Чхи-Чхи, — мы люди можем многому учиться у этих крошечных созданий!“ И он рассказал об этом муравье своему другу, знаменитому поэту Дзи-Тао и попросил его написать длинный хвалебный гимн муравью-мандарину.

Бедный Чхи-Чхи чувствовал себя очень плохо. Больная ножка ныла, предвещая дождь, и маленькому работнику было не по себе.

Муравейник.

Работа была окончена, новый дом был на-
чисто убран, делать было нечего, но малень-
кого хозяина не радовало это все: он чув-
ствовал себя одиноким. „Вот,— думал он,—
потянутся долгие месяцы холодов; я не смо-
гу выйти из дому, не с кем мне будет пе-
ремолвиться словом. Какой толк в моих
запасах? Если все будет хорошо,— я буду
сыт до весны—и только. Как весело бывало
в муравейнике в долгие зимние вечера! В од-
ном углу празднуют день рожденья чьей-то
прабабушки, в другом углу играют в кошки-
мышки, в третьем старые муравьи расска-
зывают страшные охотничьи рассказы! Сколь-
ко болтовни, сколько смеха.“ Так думал Чхи-
Чхи. А по вечерам, когда Чхи-Чхи уклады-
вался в свою постельку, ему становилось
жутко—к нему приходили нехорошие мысли:
„Что будет со мной, если я заболею? Ведь
здесь некому будет даже дать мне напиток! Мне
никто здесь не поможет. А вдруг вода
просочится в мою кладовую? В старом боль-
шом муравейнике, где есть столько сотен,
столько тысяч лапок, чтобы работать, шах-
ты уходили глубоко, глубоко в землю, и за-
пасы были в сохранности даже во время
сильных дождей. А у меня запасы спрятаны

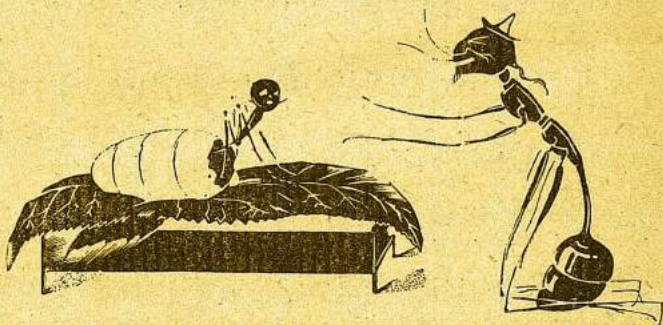
так неглубоко, таким тонким слоем земли отделены от осенней воды и зимней стужи!“ Бедный Чхи-Чхи не спал и ворочался с боку-на-бок. Ему было жутко, страшно одному. „Я пойду в муравейник и позову сюда на зиму моих старых товарищей Ти-Ти и Ту-Ту“—решил маленький работник и побежал к старому родному муравейнику.

Как переменялось там все в его отсутствие! Сколько было новых лиц, молодых, веселых! Как обрадовались ему Ти-Ти и Ту-Ту! Но они не захотели уходить из муравейника.—„Приходи лучше ты сюда!“—сказали они ему. Но Чхи-Чхи жалко было бросать свой дом,—ведь он столько работал, чтобы устроить его, так тяжело и так долго работал!

Он попрощался со своими друзьями и заковылял домой. Но он вернулся с пол-дороги. Он решил взять в свой маленький муравейник хоть одну куколку. „Я буду о ней заботиться, пока из нее ни выйдет муравей, а там мы славно проживем зиму вдвоем,“—утешал себя Чхи-Чхи. „Если нас будет двое, мы сумеем справиться со всякими бедами; нам легче будет бороться и с сыростью, и с холодом, и мы сумеем помочь друг другу, если ктонибудь из нас захворает“. Чхи-

Чхи спустился в давно знакомую детскую комнату, взял потихоньку маленький кокон и бережно неся его, побежал домой. Он бежал очень быстро, изо всех сил, чтобы дождь не застал его по пути и не промочил нежную, зябкую куколку,

Весело было Чхи-Чхи смотреть, как лежит в его мягкой, теплой постельке маленький кокон; он почти не спал от нетерпения и не мог дожидаться, когда выйдет из своей тесной тюрьмы его будущий товарищ.

„Как странно,—сказал бледный, слабенький Ли-Ли, выйдя из кокона,— как странно здесь. Мне снилось, что в муравейнике много, много муравьев! А здесь только мы двое! Неужели так всегда бывает? Неужели всегда в муравейнике только два муравья?“

Он был еще очень слабенький и заплакал. „Не плачь, Ли-Ли“, — сказал ему Чхи-Чхи. „В муравейниках всегда много муравьев, но мы будем жить вдвоем, — посмотри, какой у меня хороший домик!“ И он взял Ли-Ли за лапку и повел его, чтобы бы показать ему свой дом. „Видишь, Ли-Ли, как много у нас запасов на зиму! И какие все вкусные кушанья!“ Но бедный Ли-Ли был еще маленьким и не знал, как хорошо, когда на зиму приготовлены хорошие запасы. Ему было очень скучно в домике Чхи-Чхи; он плохо рос, оставался таким же бледненьким, каким вышел из кокона.

„Милый Чхи-Чхи, — взмолился он однажды, — поведи меня куда-нибудь в настоящий большой муравейник. Мне тут очень скучно, Чхи-Чхи, и я здесь, наверное, скоро умру“. Очень горько стало одинокому Чхи-Чхи, и он отвел своего маленького товарища в дальний конец сада в муравейник с перильцами из слоновой кости. Потом он вернулся домой и лег на постельку. Как уныло, как грустно было в его домике! Стены стали пропускать сырость и еле заметные капельки воды повисли на потолках, в маленьких коридорах стоял туман, было холодно. Чхи-Чхи стал

вспоминать, как жилось ему когда-то в старом муравейнике, где он родился, как он ушел оттуда, как выкопал свой первый домик,— тот, что у него отняла ухвертка. И вдруг вспомнилась ему песенка, которую он пел в тот день, когда кончил устраивать свой первый домик:

Я—Чхи-Чхи,
Мандарин,
В этом доме
Один...

Дальше не вспомнил ни слова бедный Чхи-Чхи; он уткнулся головой в лапки и заплакал. Долго, долго плакал Чхи-Чхи, а потом встал с постельки и выполз из своего славного домика. Накрапывал дождь, но Чхи-Чхи не заметил его; медленно, медленно, с трудом подымая свою больную ножку, заковылял Чхи-Чхи к своему старому родному муравейнику.

Мандарин Фу-Фу в этот день очень скучал: шел дождь, он не мог выйти погулять и не знал, что ему делать все долгое после-

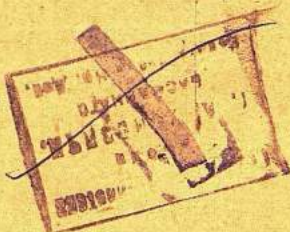
обеденное время. „Что подделывает теперь мой маленький знакомец?“, — подумал он, глядя в окно, — „как бы вода не залила его жилище!“ Старый Фу-Фу очень взволновался при этой мысли; он приказал немедленно позвать резчика и повелел ему устоять над входом в домик Чхи-Чхи широкий круглый навес из тонких пластинок слоновой кости.

Ти-Ти, Ту-Ту, Цинь-Цинь, Дзинь-Дзинь, Ли-Ли, Чхи-Чхи вышли из старого, большого муравейника, чтобы погулять на солнышке. Чудесный выдался день, — ни дать, ни взять лето. „Какой глупый старик этот Фу-Фу!“ — воскликнул Чхи-Чхи, когда они подошли к маленькому брошенному жилищу и увидели прозрачный костяной навес, — „какой смешной толстяк этот Фу-Фу! Он не знает, как хорошо мне в старом родном муравейнике!“ И они побежали прочь, и Чхи-Чхи от радости даже перекувырнулся через голову.

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИВА~~

202

100-

Цена 20 коп.